

УДК 159.9. 323.285

Акименко Г. В., Селедцов А. М., Яковлев А. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИСТА: АНАЛИЗ МОТИВАЦИЙ И ФАКТОРОВ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Для цитирования: Акименко Г. В., Селедцов А. М., Яковлев А. С. Психологический профиль современного террориста: анализ мотиваций и факторов радикализации. // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2025. Т. 6 № 1. С.78–83.

История современного терроризма берет свое начало с конца Второй мировой войны. События, произошедшие 11 сентября 2001 года в Соединённых Штатах Америки, стали знаковым моментом в истории современного терроризма и потребовали разработки эффективных методов борьбы с этим явлением, которое уже окрестили «чумой XXI века» [1]. Психологи, социологи, политологи и по настоящее время поглощены поиском ответа на вопрос, который можно назвать краеугольным: «Кто становится террористом и по какой причине?»

Терроризм представляет собой уникальную угрозу потому, что его воздействие ощущают на себе не только жертвы террористических актов, но и их семьи, работники служб реагирования на чрезвычайные ситуации и общество в целом. В соответствии с заключением «Глобального индекса терроризма 2024» (GTI), который был разработан Институтом экономики и мира, в последнее десятилетие не только увеличилось количество террористических угроз, но и возросла степень неопределённости в отношении их последствий. В современных реалиях формы экстремизма становятся всё более разнообразными, изощрёнными и трудно поддаются контролю со стороны международных и национальных служб безопасности.

Обзор исследований, посвященных терроризму и психологическому воздействию, показывает повышенный уровень посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), тяжелого депрессивного расстройства (МДД) и тревожных расстройств у населения, проживающего непосредственно в районах террористических атак [3, 5]. Это может проявляться в таких симптомах, как подавленное настроение, навязчивые воспоминания, ночные кошмары, повышенная бдительность и избегающее поведение.

Терроризм представляет собой сложное многогранное явление, которое требует глубокого всестороннего анализа психологических составляющих данного феномена и, в первую очередь, выявления устойчивых, прогностических черт или «маркеров» личности террориста.

Терроризм – от лат. *terror* – «страх», «ужас». В конце XVIII столетия данный термин стал обозначать дей-

ствия, включавшие массовые казни на гильотине, которые революционеры предпринимали в ходе Французской революции в отношении своих противников. Впоследствии терроризм стал специфической стратегией, предполагающей применение публичного насилия в целях достижения социальных или политических преобразований.

В современном мире не существует международного соглашения об универсальном значении термина «терроризм», и не всегда проводится различие между насильственным экстремизмом и терроризмом [2].

В политологии террористический акт трактуется как умышленное и внезапное применение насилия, которое носит шокирующий характер и является противоправным. Цель такого действия – посеять страх, в первую очередь, среди гражданского населения [8].

Терроризм, как правило, является следствием воздействия множества причинно-следственных факторов – не только психологических, но и экономических, политических, религиозных, социологических и целого ряда других. И поскольку феномен терроризма – явление многофакторное, то было бы упрощением сводить участие в экстремистских действиях к одной причине, например к психологической потребности террориста совершить акт насилия.

Психологический профиль лиц, способных к совершению террористических актов.

В основе большинства исследований, проведённых в последние десятилетия и посвящённых изучению профилей террористов, лежит гипотеза о том, что члены экстремистских группировок обладают определёнными общими поведенческими характеристиками, которые могут быть выявлены посредством психометрического анализа обширного массива биографических данных о террористах [4, 13].

Одна из первых попыток стратифицировать особенности личности террориста была предпринята Чарльзом А. Расселом и Боуменом Х. Миллером в 1977 г. в работе «Характеристики террористов». Авторы исследования обратили внимание на динамичность терроризма. Известно, что одна и та же экстремистская группа может со временем изменить фокус в отношении типа рекрутов, которых она предпочитает, и соот-

ответственно изменить возможности для участия, когда группа находится под давлением со стороны властей. А значит, по-видимому, не существует единого образа террориста. Члены различных радикальных формирований могут иметь целый ряд схожих психолого-социальных характеристик. Вследствие этого современная психологическая наука не может дать однозначного ответа на вопрос, почему некоторые люди совершают акты терроризма [7, 9].

В террористических действиях могут быть задействованы как мужчины, так и женщины, а также лица, не достигшие совершеннолетия. Установлено, что в большинстве своем террористы – это молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет, которые выросли в консервативной религиозной среде. Для них характерны специфические, зачастую искажённые и мифологизированные взгляды на историческую травму своего народа, которые активно продвигаются в обществе [4, 21]. Возможно, эта точка зрения усиливается актуальной психологической травмой, связанной с реальной гибелью близких людей, часто на глазах у будущего террориста.

В биографии индивида зачастую можно обнаружить следы травмирующего опыта детства и юности, сопровождавшегося многочисленными унижениями и потерями. А недостаток эмоций в более зрелом возрасте может быть компенсирован фанатичной преданностью определённым лидерам или следованием религиозно-утопическим идеям о совершенном мире.

Существует несколько моделей, объясняющих, как человек может радикализироваться и перейти к участию в террористической деятельности.

К таким моделям относятся: структура Объединённого центра военной информационной поддержки (Borum, 2011), Лестница Могаддама к терроризму (Borum, 2005), пятиступенчатая модель социальной идентичности развития коллективной ненависти (Reicher, Haslam and Rath, 2008), модель пирамиды (Loiprecht, Natali, Moskalenko and Makkali, 2009) и модель синайской тюремной радикализации (2014) [17, 24].

По мнению экспертов, существует ряд предпосылок, которые могут повысить вероятность того, что человек окажется подвержен экстремистским идеям. В их числе:

1. Детские психологические травмы. Ощущение несправедливости, вызванное травлей или несправедливым отношением со стороны окружающих, может привести к тому, что человек почувствует себя одиноким и отвергнутым обществом. Как следствие, возможно формирование такой характерной особенности личности, как мизантропия, проявляющейся в ненависти, неприязни и недоверии к людям – зачастую не к каким-то конкретным, а ко всем сразу. В более зрелом возрасте мизантропия может трансформироваться

в идею улучшения мира и человечества. В этом случае будущий террорист не просто критикует недостатки и пороки людей, но и вступает с ними в открытое противостояние, стремясь искоренить их, в том числе радикальными методами [25].

2. Гипотеза негативной идентичности. Радикалы хорошо умеют использовать чувства растерянности и низкой самооценки человека. Тем, кто испытывает трудности с определением своей социальной принадлежности, экстремистская группа может предложить чувство цели, общности и сопричастности, ощущение идентичности. Основываясь на теории Эрика Эриксона и его концепции негативной идентичности, Джин Н. Кнутсон высказала предположение, что террорист сознательно выбирает негативную идентичность, которая подразумевает мстительное отрицание той роли, которую семья и общество считают желательной и правильной [10]. По мнению психолога, данный индивид совершает свои действия, движимый чувствами гнева и беспомощности, вызванными отсутствием альтернативных путей решения проблемы. Данная политологическая концепция Д. Кнутсон, представляется нам созвучной с фрустрационной теорией агрессии, предложенной в 1941 г. Нилом Миллером [14].

Социальная идентичность и влияние других людей (родственников, друзей, харизматичных лидеров, заключённых «главарей» террористов и даже тюремных капелланов-экстремистов) играют важную роль в процессе радикализации личности [6].

3. Деструктивное поведение. В среде членов террористических организаций нередко можно наблюдать проявления агрессии и подозрительности, которые могут быть связаны, в том числе, с употреблением наркотических веществ и контактами с криминальными элементами. Многие члены преступных группировок склонны искать причины своих проблем во внешнем мире, что приводит к чрезмерному использованию механизма психологической защиты – проекции. Показательно, что при этом они демонстрируют чрезмерную сосредоточенность на себе, недостаточное внимание к чувствам окружающих и постоянную готовность к защите.

Важно отметить, что чем дольше человек находится в преступной группировке, тем сложнее ему покинуть её, особенно если группа подвергается стигматизации [20].

4. Нарциссический гнев. Согласно мнению ряда экспертов, в настоящее время отсутствуют достоверные данные о том, что террористы страдают психическими заболеваниями, поскольку тщательная подготовка, планирование и своевременное осуществление экстремистских актов, характерные для многих подобных случаев, не свойственны людям с психическими расстройствами. Известный немецкий психолог Виль-

фред Райх считает, что трактовка терроризма как проявления психического расстройства нередко используется как способ избежать анализа политических и социальных проблем, которые могут привести к террористическим атакам [25].

Вместе с тем в результате недавних исследований была выявлена закономерность, характерная для террористов-одиночек: среди них часто встречаются лица, страдающие психическими расстройствами. Так, анализ личностных данных 119 человек, совершивших террористический акт самостоятельно, показал, что у 31,9% из них в прошлом были диагностированы психические заболевания или расстройства личности, в том числе социопатия [16].

К числу специалистов, которые поддерживают идею о связи между нарциссизмом и агрессией, можно отнести Джерролда М. Поста, Джона У. Крейтона, Ричарда М. Перлштейна и других [4]. И хотя нарциссизм в контексте терроризма до настоящего времени не был тщательно изучен, Эрих Фромм видел в нём одну из причин человеческой деструктивности, которая также включает в себя и экстремистскую деятельность.

Суть теории «нарциссического гнева» (Narcissistic Rage) заключается в том, что если первичный нарциссизм в форме «Сверх-Я» не находит подтверждения в реальности, то может привести к формированию социопатии [15].

Психоаналитик Хайнц Кохут полагал, что терроризм – это результат Гнева, вызванного нарциссической травмой. Первопричиной нарциссической ярости является страх потерять своё «грандиозное чувство собственной значимости». Как следствие, террористы, защищая свою самооценку от реальной или воображаемой угрозы, проявляют крайнюю степень гнева, добиваются власти, стремятся к контролю над окружающими, используя для этого устрашение. По результатам проведенных исследований Кохут пришёл к выводу, что «значимые высокие идеалы» террористической группировки помогают её членам защититься от чувства стыда [18].

5. Психотравмирующие события. В жизни человека случаются события, которые могут быть для него серьёзным испытанием: потеря близкого человека, увольнение с работы, разрыв важных отношений и др. Согласно оценкам исследователей, например, в США у 60% лиц при жизни наблюдается, по меньшей мере, одно такое событие, три травматических события и более – у 17% мужчин и 13% женщин [19]. В такие моменты люди чувствуют себя уязвимыми, и это не остаётся незамеченным для тех, кто захочет воспользоваться их слабостью.

6. Социально-политическая мотивация участия в террористической деятельности.

Согласно одной из теорий, предложенной Э. Олсоном, участники экстремистских актов принимают решение о применении насилия, основываясь на рациональном анализе затрат и результатов. Они считают, что в сложившихся социальных условиях насилие является наилучшим из доступных вариантов действий для достижения целей.

Многолетние исследования в области психологии убедительно свидетельствуют о том, что такая мотивация играет ключевую роль в формировании склонности к принятию убеждения в оправданности и эффективности террористической деятельности. Психологи Эрик Д. Шоу и Ариэль Мерари приводят убедительные доводы в пользу того, что они называют «моделью личного пути», с помощью которой террористы приходят в свою новую профессию.

- Террористическая деятельность может быть способом получения финансовой выгоды. Криминальные элементы за определённое вознаграждение готовы выполнить любое поручение террористических группировок

- Человек присоединяется к группе с определённой идеологической и политической направленностью. И это, главным образом, лица, не сумевшие реализовать свой потенциал в политической сфере, однако стремящиеся к власти и испытывающие некий комплекс неполноценности.

- Мотив власти над людьми. Террорист стремится утвердить свою личность и авторитет через насилие и запугивание.

Стремление к самоутверждению, придание экстремистской деятельности особой героической значимости и т. д. [16].

Идеологические и религиозные мотивы часто служат основой, на которой строятся террористические нарративы. Эти системы верований обеспечивают основу для понимания мира, предлагая простые ответы на сложные вопросы и чувство цели тем, кто чувствует себя брошенным на произвол судьбы. Психология религиозного фанатизма играет особенно интригующую роль, поскольку она может служить как оправданием насилия, так и обещанием искупления или награды. Террористические группировки умеют использовать психологическую уязвимость. Они нацелены на людей, которые ищут смысл жизни, идентичность или чувство принадлежности, предлагая им готовое мировоззрение и сообщество единомышленников и таким образом заполняя пустоту в жизни людей, создавая мощную связь, которую трудно разорвать. Показательно, что сами лидеры таких организаций отличаются высокой мотивацией и непоколебимой верой в свою миссию.

7. Интернет представляет собой своего рода суррогатное сообщество и часто упоминается в литературе

о терроризме одиночек. В контексте крупномасштабных контртеррористических операций против экстремистских группировок такие группировки всё чаще выступают в качестве идеологических поставщиков и пропагандистов сопротивления без лидеров [11]. Социальные сети являются важным инструментом для реализации этой стратегии. Это может быть средством передачи сообщений террористического характера, инструментом для вербовки сочувствующих и техническим средством для получения знаний о том, как совершать террористические атаки [10–12].

8. Индивидуальные психологические особенности. По оценке специалистов, анализ образа мышления террористов мог бы стать ключом к пониманию того, как и почему человек становится террористом. Такая попытка была предпринята на конференции RAND Corporation, организованной Брайаном М. Дженкинсом в сентябре 1980 года [16]. В рамках дискуссии рассматривались как отдельные личности и экстремистские группы, так и их взаимодействие. В выступлениях участников прозвучала мысль о том, что у многих террористов зафиксирована выраженная потребность в когнитивной замкнутости – стремлении к чётким, однозначным ответам в ситуации неопределённости. Как правило, это проявляется в склонности видеть мир в чёрно-белых тонах. Такой образ мышления оставляет мало места для нюансов или компромиссов, что облегчает оправдание крайних мер. Когнитивные искажения и предубеждения играют важную роль в формировании мировоззрения террористов. Предвзятость заставляет людей искать информацию, которая подтверждает их уже существующие убеждения, игнорируя противоречащие им факты.

В их число входят такие когнитивные искажения, как: обобщение, когда предполагаемые преступления противника распространяются на всё население; дихотомическое мышление, при котором определённая группа людей воспринимается исключительно как хорошая либо исключительно как плохая, а в условиях вовлечённости в террористическую деятельность концентрация внимания, мышление и поведение направлены исключительно на достижение поставленной цели. Однако даже среди тех, кто придерживается радикальной идеологии, ориентированной на разрушение, не все лично принимали участие в актах насилия [26].

Бек в книге А. Боруна «Сражение 2000-го года» применил когнитивную модель к террористическим идеям и пришёл к выводу: ошибка фундаментальной атрибуции заставляет террористов приписывать негативные действия членов другой группы врождённым недостаткам их характера или культуры, оправдывая при этом аналогичное поведение своей группы [11].

Гипотеза фрустрации-агрессии. В научной литера-

туре широко распространена концепция, согласно которой агрессия является следствием фрустрации. Эта гипотеза основана, главным образом, на гипотезе относительной депривации, предложенной Тедом Робертом Гэрром. Так, в работе «Почему люди бунтуют» («Why Men Rebel») он констатировал тот факт, что многие террористические действия – это ответ на неудовлетворённость различными политическими, экономическими и личными потребностями [26]. В ходе исследований было установлено, что члены террористических группировок демонстрируют более высокий уровень агрессии в сочетании с более низким уровнем эмпатии, по сравнению с обычными людьми. Однако при этом не было выявлено существенных различий между этими группами в уровне интеллекта или исполнительных функций.

Наиболее значимое отличие между террористами и контрольной группой было обнаружено в сфере морального восприятия. Исследователи пришли к выводу, что для террористов характерна аномальная, чрезмерная ориентация на результат. Вместе с тем обоснование терроризма с точки зрения черт характера недостаточно для того, чтобы понять, почему люди становятся террористами.

В настоящее время в научном сообществе нет единого и всеобъемлющего понимания психологии терроризма и мотивов, которые побуждают людей присоединяться к экстремистским организациям. Это связано, во-первых, с трудностями, с которыми сталкиваются исследователи при изучении внутренних процессов в террористических и экстремистских группах. Во-вторых, некоторые учёные считают, что между психологией террористов и психологией обычных людей может быть меньше различий, чем принято считать. Но крайне важно помнить, что не существует единой «личности террориста» – пути к экстремизму столь же разнообразны, как и люди, которые по ним идут. Подобный тип искажённого восприятия действительности, при котором цель оправдывает любые средства, является «визитной карточкой» террористического мировоззрения.

Процесс становления террориста начинается в раннем возрасте и включает в себя формирование идеологических убеждений, участие в ритуальных практиках, а также строгость и замкнутость. Основная цель террориста – продемонстрировать свою силу, а не нанести реальный ущерб. Как правило, он не стремится к анонимности и охотно берёт на себя ответственность за свои действия. В мышлении террористов наблюдаются те же когнитивные искажения, что и у других людей, совершающих насильственные действия (как индивидуально, так и в составе группы).

Формирование сильного внутригруппового / вне-

группового менталитета имеет решающее значение для психологии террористов. Укрепляя чувство «мы против них», эти организации могут оправдывать насилие против предполагаемых врагов. Такое черно-белое мышление облегчает дегуманизацию оппонентов и преодоление естественного запрета причинять вред другим.

Выводы

Терроризм был и остается стратегией, привлекающей для различных групп и движений, которые считают, что насилие является единственно результативным действием для осуществления социального и политического контроля в той или иной стране.

В процессе создания психологического профиля террориста, который основан на изучении научных работ по психологии и социологии терроризма, написанных за последние три десятилетия, можно сделать несколько общих выводов. Один из основных заключается в том, что ни психологические, ни другие исследования не выявили качеств, уникальных для тех, кто вовлечен в терроризм, или существования особых путей в (и из) терроризма. Личности террористов так же разнообразны, как и личности людей, занимающихся любой другой законной деятельностью. Вместе с тем характер террориста можно описать как сочетание истерических и взрывных черт. Он отличается высоким уровнем нейротизма, ощущением неудовлетворенности, приводящей к нарушению социальной адаптации, и ярко выраженной асоциальностью. Для многих

из них показательна косвенная агрессия. А сам процесс совершения экстремистских действий, как правило, включает в себя эмоциональную мотивацию и стремление к самоактуализации. Поэтому одна из основных целей террориста – демонстрация собственной силы.

Задача, лежащая в основе многочисленных исследований последних лет, представляется очевидной: выявить устойчивые, прогностические черты или «маркеры» личности террориста. Если бы специалистам удалось это сделать, то, вероятно, они смогли бы определить, кто может стать террористом, и, возможно, сформулировать практические рекомендации, направленные на то, чтобы это предотвратить. К сожалению, исследования психологии терроризма пока носят фрагментарный характер. При этом многие эксперты относятся к ним с большой осторожностью, так как пока специалисты не пришли к единому мнению о том, насколько валидны и надежны методы диагностики деструктивного поведения. И, кроме того, сегодня все ещё недостаточно эмпирических данных, которые могли бы подтвердить существующие теоретические концепции.

В целом, можно констатировать, что на настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной психологической науке наблюдается явный дефицит полномасштабных исследований, посвященных проблеме психологии терроризма. Как следствие, это существенно затрудняет разработку эффективных мер по противодействию этому явлению.

Источники и литература / Sources and references

1. Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: метод. рекомендации. М.: ИП РАН, 2010. 84 с.
2. Галахов С. С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М.: Экзамен, 2002. 288 с.
3. Ениколопов С. Н., Мкртычян А. А. Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 71-80.
4. Решетников М. М. Психологический портрет террориста. [Электронный ресурс]. Доступно по: <https://psyfactor.org/lib/terror12.htm>. (дата обращения 26.02.2025)
5. Ястребов В. С., Боев Б. В. Прогнозирование вспышек посттравматических стрессовых расстройств после масштабных актов терроризма // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 2007. Т. 107. № 2. С. 35-42.
6. Alison L., Alison E. Revenge versus rapport: Interrogation, terrorism, and torture // *Am. Psychol.* 2017. Vol. 72. No. 3. P. 266-277. doi: 10.1037/amp0000064.
7. Bongar B., Brown L.M., Beutler L.E., Breckenridge J.N., Zimbardo P.G. (Edit.) *Psychology of terrorism*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006.
8. Borum R. Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. No. 4. P. 7-36. <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>
9. Borum R. Radicalization into violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. No. 4. P. 37-62. <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.2>
10. Cottee S., Hayward K. Terrorist (e)motives: The existential attractions of terrorism // *Studies in Conflict Terrorism*. 2011. Vol. 34. No. 12. P. 963-986. <http://dx.doi.org/10.1080/1057610X.2011.621116>
11. Global terrorism index Properties of Terrorism. 2024. Доступно по: <https://dragonflyintelligence.com/> (дата обращения 22.12.2024).
12. Crenshaw M. The causes of terrorism // *Comparative Politics*. 1981. Vol. 13. No. 4. P. 379-399. <http://dx.doi.org/10.2307/421717>
13. Crenshaw M. Questions to be answered, research to be done, knowledge to be applied // In: W. Reich (ed.). *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, states of mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 247-260.
14. Miller N. E., Sears R. R., Mowrer O. H., Doob L. W., Dollard J. The frustration-aggression hypothesis // *Psychological Review*. 1941. Vol. 48. No. 4. P. 337-342. doi:10.1037/h0055861
15. Ellis B. H., Abdi S. Building community resilience to violent extremism through genuine partnerships // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72, No. 3. P. 289-300. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000065>

16. English R. Does terrorism work? A history. London, UK: Oxford University Press, 2016.
17. Gill P., Corner E. There and back again: The study of mental disorder and terrorist involvement // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. No. 3. P. 231–241. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000090>
18. Horgan J. The psychology of terrorism. 2nd ed. London, UK: Routledge, 2014.
19. Horgan J., Taylor M. Disengagement, de-radicalization and the arc of terrorism: Future directions for research // In: R. Coolsaet (ed.). *Jihadi terrorism and the radicalization challenge: European and American experiences*. 2nd ed. London, UK: Ashgate, 2011. P. 173–186.
20. Hunter S. T., Shortland N. D., Crayne M. P., Ligon G. S. Recruitment and selection in violent extremist organizations: Exploring what industrial and organizational psychology might contribute // *Am. Psychol.* 2017. Vol. 72. No. 3. P. 242–254. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000089>
21. Kruglanski A. W., Jasko K., Chernikova M., Dugas M., Webber D. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance // *Am. Psychol.* 2017. Vol. 72. No. 3. P. 217–230. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000091>
22. McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model // *Am. Psychol.* 2017. Vol. 72. No. 3. P. 205–216. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000062>
23. Merari A. Driven to death: Psychological and social aspects of suicide terrorism. Oxford, UK: Oxford University Press, 2010.
24. Monahan J. The individual risk assessment of terrorism: Recent developments (September 1, 2015). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 2015. No. 57. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2665815>
25. Reich W. Understanding terrorist behavior: The limits and opportunities of psychological inquiry // In: W. Reich (ed.) *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, states of mind*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 1990.
26. Hudson R. F. Who Becomes a Terrorist and Why? The Psychology and Sociology of Terrorism. Washington, D.C.: Federal Research Division Library of Congress, 1999. 188 p.

Информация об авторах:

Акименко Галина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

E-mail: kemnayka2019@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9631-6223

Вклад в статью: разработка концепции исследования, работа с источниками, интерпретация данных, критический анализ, написание статьи.

Селедцов Александр Михайлович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психиатрии и наркологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

E-mail: seledtsovam@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9075-2377

Вклад в статью: работа с источниками, интерпретация данных, критический анализ, написание статьи.

Яковлев Антон Сергеевич, ассистент кафедры психиатрии и наркологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

E-mail: aia3.96@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6905-4611

Вклад в статью: работа с источниками, интерпретация данных, критический анализ, написание статьи.

Authors:

Akimenko Galina Vasilievna, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology, Kemerovo State Medical University.

E-mail: kemnayka2019@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9631-6223

Contribution: conceived and designed the study; collected and interpreted the data; performed literature search and analysis; wrote the manuscript.

Seledtsov Alexander Mikhailovich, Doctor of Sciences in Medicine, Professor, Head of the Department of Psychiatry and Narcology, Kemerovo State Medical University.

E-mail: seledtsovam@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9075-2377

Contribution: collected and interpreted the data; performed literature search and analysis; wrote the manuscript.

Yakovlev Anton Sergeevich, Assistant of the Department of Psychiatry and Narcology, Kemerovo State Medical University.

E-mail: aia3.96@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6905-4611

Contribution: collected and interpreted the data; performed literature search and analysis; wrote the manuscript.